Анна Смирнова

НАУКА

УВЕРЕННО В БУДУЩЕЕ

С 28 по 30 ноября состоялся Санкт-Петербургский международный научно-образовательный салон, один из стендов которого представлял РГПУ им. А.И. Герцена.

Открывая Санкт-Петербургский международный научно-образовательный салон, действующий губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов заверил участников и посетителей в том, что Правительство Санкт-Петербурга сделает все возможное для роста качества подготовки профессионалов разных сфер. От лица организатора мероприятия – Комитета по науке и высшей школе – выступила первый заместитель председателя Комитета Ирина Ганус. Она отметила, что впервые салон проходит в рамках Петербургского международного инновационного форума: «Связь между наукой, образованием и реальным сектором экономики – это то, что нам сегодня нужно претворять в жизнь».

В обходе стендов образовательных организаций Санкт-Петербурга принимали участие заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации Марина Боровская, вице-губернатор Санкт-Петербурга Владимир Кириллов, председатель Комитета по науке и высшей школе Андрей Максимов, заместитель председателя Комитета Анна Степанова. Герценовский университет почетным гостям представил проректор по воспитательной работе РГПУ им. А.И. Герцена Сергей Махов.

Стенд Герценовского университета по традиции привлек внимание старшеклассников. Сотрудники вуза подробно ответили на вопросы будущих абитуриентов. Все желающие могли получить качественную консультацию о направлениях подготовки и порядке поступления в вуз.

В рамках научно-образовательного салона состоялась панельная дискуссия «Экспорт российского образования: вызовы времени». В обсуждении в качестве слушателей приняли участие представители РГПУ им. А.И. Герцена. Кроме того, проректор по инновационной деятельности и информационным технологиям Михаил Пучков выступил модератором стратегической сессии «Образование будущего: платформы, ресурсы, компетенции». На стенде университета представляли свои научные разработки доценты кафедры дошкольной педагогики института детства Римма Яфизова и Лидия Ничипоренко. Директор Центра по работе с талантливой молодежью и абитуриентами РГПУ им. А.И. Герцена Татьяна Гдалина презентовала информацию об интеллектуальных состязаниях школьников, результаты участия в которых учитываются при поступлении в вузы РФ.

Санкт-Петербургский международный научно-образовательный салон стал частью Недели науки и профессионального образования Санкт-Петербурга.

МАСТЕРА СЛОВА

КОНКУРС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА СРЕДИ СТУДЕНТОВ С ЯЗЫКОВ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Вниманию читателей предлагаются пять новелл авторов из Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии и Голландии XX и начала XXI века, переведенные победителями конкурса художественного перевода среди студентов, изучающих языки стран Северной Европы.

РГПУ им. А.И. Герцена вот уже в третий раз проводит конкурс перевода художественных текстов наших северных соседей, в котором принимают участие не только студенты трех факультетов нашего университета, занимающиеся датским, норвежским, шведским или финским языками, но и обучающиеся языкам Северной Европы из других вузов Санкт-Петербурга и городов России.

Организаторы конкурса видят своей основной задачей предоставить возможность знакомства с трудом переводчика художественных текстов, проблемой культурного посредничества, позволить отточить мастерство владения словом, способствовать встрече с литературой изучаемого региона. Кроме того, конкурс решает важную задачу объединения сил университетов, занимающихся изучением малых, но исключительно важных для России соседних стран и культур, и служит площадкой для развития дальнейшего сотрудничества в педагогической и переводческой областях.

В этом году конкурс значительно расширил свою географию. Свои переводы прислали 72 человека из Санкт-Петербурга, Москвы, Мурманска и Тарту. В жюри приняли участие маститые и начинающие переводчики из Санкт-Петербурга, Москвы и Хельсинки, которые строго и объективно судили конкурсные тексты. На церемонии закрытия состязания судьи отметили основные трудности, с которыми столкнулись конкурсанты, указали на часто повторяющиеся ошибки и высказали пожелания дальнейшего совершенствования.

Победителями стали: Таисия Чернякова (МГУ), Мария Потапова (СПбГУ), Мария Ипатова (СПбГУ), Екатерина Щур (СПбГУ), Арина Прудникова (МГЛУ).

Призы на конкурс были предоставлены сотрудниками консульских и культурных представительств Швеции, Дании, Финляндии, Норвегии и Голландии. Отдельные призы для переводчиков с финского языка передало представительство финской компании «Валио» в Санкт-Петербурге.

И все-таки основной наградой победителям стала возможность опубликовать свой перевод и получить первую печатную работу как старт своей возможной будущей переводческой деятельности.

А.В. Ломагина,
доцент кафедры современных европейских
языков РГПУ им. А.И. Герцена

БЕННИ АНДЕРСЕН (1929 г.р.)

Датский поэт, писатель и композитор, который является самым ярким представителем датской ментальности. Он иронично и отстраненно, без занудных нравоучений, регистрирует как проблемы датского общества, так и его счастливые моменты в стихах и прозе. Так, его песня «Счастливый день Сванте» (1972) – хрестоматийное изображение простых человеческих радостей, понятных в любой культуре – является обязательным элементом для изучения самосознания датчан. Существенная часть загадки невероятной популярности Бенни Андерсена заключается в особом таланте словесной игры, его тексты полны каламбуров, в них присутствует ироническая перекличка с текстами других авторов. Все это делает работу переводчика увлекательным, но сложным приключением. На конкурс была предложена его новелла 1968 года – «Хамфри», написанная с оглядкой на О. Уайлда и его пьесу «Как важно быть серьезным». В ней в ироничной форме говорится о чувстве одиночества обычного человека среди других людей.

ЯЛЬМАР СЕДЕРБЕРГ (1869-1941)

Великий шведский романист, мастер психологического портрета и импрессионистического метода изображения жизни, всю свою жизнь интересовался вопросами взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Тема любви часто принимает в его творчестве болезненные формы. Особенно очевидным это становится в романе, известном российскому читателю, – «Доктор Глас», в котором особенно чувствуется увлечение автора Ф.М. Достоевским, где и разделенная, и неразделенная любовь одинаково приносят мучения персонажам. На конкурс была предложена короткая притча «Поцелуй» (1903), предлагающая ироничный взгляд на природу любви и историю влюбленности глазами юноши и девушки. Автор использует форму сказочного повествования, выводя универсальную для всех времен психологическую формулу человеческих отношений.

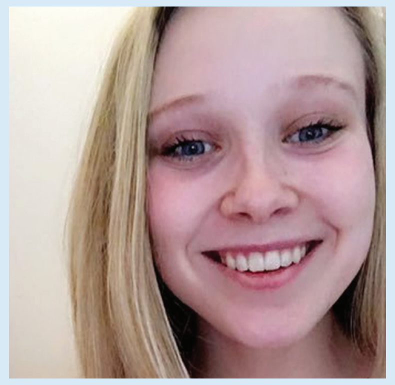
АНТТИ ХЮРЮ (1931-2016)

Известный финский прозаик-модернист, автор романов и новелл, где тема отношений природы и человека и тема детства тесно переплетаются. В его произведениях сквозит столь характерное для финской культуры нежное и бережное отношение к родной природе, воспевание суровой красоты лесов и болот, где городской человек ищет прибежище от шума и суеты современной жизни. Об этом повествует и новелла «Банка морошки» (1958), которую переводили участники конкурса – мир леса, который постепенно стирает с рассказчика печать городской жизни, запах бензина и копоть, открывая мир, в котором сохранился бог. Для того, чтобы снова окунуться в него, тоскуя по чистоте и спокойствию лесной жизни, достаточно только открыть банку собранной морошки и выпустить из нее воспоминания.

ГЕРРИТ КРОЛ (1934-2013)

Нидерландский автор, математик, который всю жизнь работал с компьютерными системами. Его перу принадлежит поэзия и проза, в которых чувствуется логический подход и увлечение философскими математическими вопросами времени и пространства. В одном из интервью автор утверждает, что видит красоту, достойную описания, в необычных для поэта вещах: ночном перекрестке дорог с одинокой машиной, пустом автобусе, послушно идущем по расписанию. Многие его тексты принимают форму мыслительного эксперимента. Об этом свидетельствует и новелла «Карта», предложенная для конкурсантов. Рассказчик последовательно изучает и расширяет пространство вокруг себя с помощью велосипедной карты, случайно обнаруженной в книжном магазине. Трудности, связанные с приобретением этой желанной карты (закрытый магазин, отсутствие денег), превращают ее в волшебный ключ, открывающий неизведанный мир, который, тем не менее, теряет свою чудесную силу с неизбежным наступлением обыденности и изученности велосипедных маршрутов вокруг Греннингена.

АННА ЛУНДЕ КОЛЬСТАД



Молодая норвежская писательница и самый современный автор из представленных на конкурсе. Ее новелла 2013 года «Будничные наблюдения» является типичным примером минималистической прозы, описанием кусочка жизни молодого жителя современного нам Осло, в которой ничего необычного не происходит. Рассказчик – молодая девушка, которая пробует мир вокруг себя на вкус, воспринимает его звуки, видит его цвета. Мы вместе с ней чувствуем вкус латте, видим прохожих и посетителей кафе, слышим звуки музыки и телефонных звонков. И вдруг, внезапно, одной фразой автор меняет перспективу, рассказчик сожалеет о скорости, с которой меняется мир, о появлении технических новинок, отвлекающих своей сложностью от прозаической красоты мира. И новелла превращается в гимн обыденности и простоте, а кофе латте становится символом пристанища, спасением от технической революции.

Вероника Махтина

МИР

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

14 ноября Герценовский университет посетила делегация университета имени Йосипа Юрая Штроссмайера из г. Осиек (Республика Хорватия).

Делегацию университета имени Йосипа Юрая Штроссмайера из хорватского города Осиек представляли декан факультета гуманитарных и социальных наук Лоретана Фаркаш, профессор кафедры хорватского языка и литературы Милован Татарин, помощник декана по вопросам учебных программ и долгосрочного обучения Ана Якопец, помощник декана по международному сотрудничеству Желько Павич, помощник декана по финансовым вопросам Милица Лукич.

Со стороны Герценовского университета делегацию встречали ректор Сергей Богданов и проректор по международному сотрудничеству Юлия Комарова. В ходе встречи обсуждались возможности сотрудничества в области славистики, изучения русского языка как иностранного, совместных образовательных программ для получения двойного диплома, общей проектной и грантовой деятельности. «Я очень надеюсь, что мы в будущем откроем программу по славистике, и в этом случае у нас возникнут возможности для построения совместной работы. Кроме того, продвижение русского языка является одним из наших приоритетов, и в этом отношении мы готовы создать все условия для сотрудничества», – подчеркнул Сергей Игоревич. В завершение встречи стороны обменялись памятными подарками.

В ходе визита хорватская делегация посетила фундаментальную библиотеку. Экскурсию по залам провела заведующая отделом гуманитарно-просветительской работы Снежана Волоскова. Гости познакомились с ее проектами, деятельностью и выставкой книг о Хорватии. Профессор Милован Татарин передал в дар фундаментальной библиотеке четыре своих книги. Глава делегации, профессор Лоретана Фаркаш оставила запись в книге почетных гостей библиотеки: «Университетская библиотека – самая замечательная, и мы очень рады вашей доброте. Для нас большая честь посетить место с давними традициями, и мы постараемся перенять ваш опыт и использовать его в университетах Хорватии». Члены делегации прошлись по залам главного корпуса, где об истории университета им рассказали ведущий редактор музея РГПУ им. А.И. Герцена Александр Крейцер и помощник проректора по международному сотрудничеству Елена Койранская. В качестве переводчиков выступили бакалавры 4 курса института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена Никита Морозов и Алексей Куценко.

ХАМФРИ

Бенни Андерсен

Укрываясь от ливня в ожидании автобуса, в узком проеме теснятся как минимум семнадцать человек. Их дождевики с верезжанием трутся друг о друга, а как только покажется автобус, все, готовясь ворваться в него, начнут трясти и складывать пополам зонтики.

«Видимо, он опаздывает», – бормочет кто-то.

В ответ все молчат. Кое-кто показательно откашливается, будто был нарушен вечный покой.

Ноябрьский вечер. Один из тех вечеров, когда вспоминаешь умерших за последнее время родственников. Когда осознаешь, что налоговые и страховые платежи просрочены. Когда погода так или иначе заставляет задуматься о тех случаях, когда ты тратил деньги направо и налево или вообще спускал все средства.

Да к тому же тебя зовут Хенри. Не так уж это и здорово.

Упаси боже: само по себе имя прекрасно. Многих зовут Хенри, и они отлично с этим уживаются. Но меня это не волнует. Имя мне только мешает. Каждый раз, в один из тех редких случаев, когда я нахожусь в приподнятом настроении или хочу позвонить девушке, я, выпрямившись, обращаюсь к самому себе:

«Ну-с, Хенри…» – и все заведомо обречено. Тут ничего не поделаешь. Вот если бы меня звали Хамфри! Хамфри... Разница-то большая!

Когда я был маленьким, моя мама, перегнувшись через окно, кричала: «Хенри! Хэ-э-э-энри-и-и! Иди есть!»

Ну и я, конечно, поднимался домой поесть, хотя не особенно хотелось. Сидел и ковырялся вилкой в тарелке. Но только представьте, если бы она звала меня так: «Хамфри! Ха-а-а-а-амфри-и-и-и-и! Ужин готов!» – колоссальная разница.

Другие дети во дворе спрашивали бы с почтением: «Что у тебя на ужин, Хамфри?»

И, слегка улыбнувшись, я бы отвечал: «Это будет сюрприз». Какой бы у меня тогда был аппетит! Стал бы большим и сильным. Но теперь...

А в школе, когда учитель отчитывал: «Ты уже третий раз на этой неделе опаздываешь, Хенри! Марш к школьному инспектору!»

Если бы меня звали по-другому, он бы, возможно, сказал так: «Ну что, Хамфри, на этой неделе ты пришел три раза вовремя. Мы всегда рады тебя видеть, Хамфри», – колоссальная разница.

Случается, что где-нибудь у меня появляется возможность потанцевать. Начинается все очень хорошо, танцую я прилично. Но в какой-то момент ведь все равно придется назвать имя – и тут дело заходит в тупик.

«Меня Хенри зовут, – представляюсь я. – Спасибо за танец». И сразу после спешу домой.

Однако если бы с легкой, располагающей улыбкой на лице можно было сказать: «Меня вот зовут Хамфри…» И, услышав удивленное: «Серьезно? Ах, Хамфри, может, сядем и поболтаем?», я бы тогда ответил: «Ну, давай».

Колоссальная разница.

Но вот вокруг начинают суетиться, раскрывать зонтики, срывая с меня шляпу. Среди толпы не могу найти ее. О, вон она – втоптанная в лужу. Перед самым отправлением успеваю вскочить в автобус, хватаюсь за поручень одной рукой, другой пытаясь хорошенько выжать шляпу.

Но если бы меня звали Хамфри...

Екатерина Щур, СПбГУ, кафедра скандинавской и нидерландской филологии, 4 курс

ПОЦЕЛУЙ

Яльмар Седерберг

Жили-были молодая девушка и не менее молодой юноша. Как-то раз они сидели на камне неподалеко от мыса, выступавшего в озеро, и волны с тихим плеском подбегали прямо к их ногам. Погруженные в свои мысли, ни он, ни она не произносили ни слова и молча смотрели на заходящее солнце.

Он думал о том, что с удовольствием бы ее поцеловал. Когда он смотрел на ее губы, ему казалось, что именно для этого они и созданы. Конечно, он встречал куда более красивых девушек, и, честно говоря, был влюблен в другую – но к ней он никогда не осмелится прикоснуться, ибо она идеал и звезда, «звезда, что с неба не достать».

Она же размышляла о том, что ей очень хотелось, чтобы он ее поцеловал; тогда у нее появился бы повод ужасно на него разозлиться и показать ему, как глубоко она его презирает. Она бы тут же встала и, подобрав юбки, кинула бы на него взгляд, полный ледяного презрения, и, невозмутимо спокойная, гордо удалилась. И чтобы он не смог угадать ход ее мыслей, она спросила тихо и задумчиво:

– Как ты думаешь, есть ли жизнь после смерти?

Он предположил, что если ответит «да», ему будет проще ее поцеловать. Но он никак не мог вспомнить, какое мнение он обыкновенно высказывал по этому поводу, и теперь боялся попасть впросак. Поэтому он посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

– Порой мне кажется, что да.

Такой ответ пришелся ей по душе, и она подумала: «Все-таки мне нравятся его волосы. И лоб. Только жаль, что у него такой некрасивый нос, а еще он нигде не служит – всего лишь студентик-юрист. Перед подругами таким женихом не похвастаешься».

Он решил: теперь он точно может ее поцеловать. Несмотря на это, он чувствовал почти животный страх – он никогда прежде не целовал девушку из хорошей семьи. А вдруг его ждут неприятности? Совсем рядом посапывал в гамаке ее отец-бургомистр…

Она подумала: «Пожалуй, будет куда лучше влепить ему пощечину, когда он меня поцелует». И тут же задала себе вопрос: «Почему же он так медлит? Неужели я такая страшная и противная?»

И тогда она наклонилась над водой, чтобы получше разглядеть свое отражение, но набегавшие волны размывали ее черты.

Она пыталась представить себе: каково это будет, когда он ее поцелует? До сих пор она целовалась один-единственный раз – с лейтенантом на балу в местной гостинице. Правда, от него ужасно несло пуншем и сигарами, но все же поцелуй немного польстил ее самолюбию – все-таки она целовалась с лейтенантом! – ну а больше в этом не было ничего особенного. Вообще-то говоря, потом она его возненавидела: он даже не посватался к ней и, кажется, вовсе забыл о ее существовании.

И пока они так сидели, поглощенные своими мыслями, солнце скрылось за горизонтом и наступили сумерки.

А он думал: «Если она до сих пор сидит рядом со мной, хотя солнце уже зашло и уже темнеет, то, пожалуй, она все же не против, чтобы я ее поцеловал». И он медленно обвил рукой ее шею.

Этого она совсем не ожидала. Она была уверена, что он просто возьмет и поцелует ее – и тогда она даст ему пощечину и уйдет прочь, как принцесса. Теперь же она была в полной растерянности и не знала, что делать; с одной стороны, она хотела обидеться на него, а с другой боялась лишиться поцелуя. Поэтому она не сдвинулась с места и ждала, затаив дыхание.

И тогда он ее поцеловал.

Странное чувство, которое она при этом испытала, было так далеко от всех ее предположений. Она побледнела и будто обессилела; теперь она напрочь забыла и о том, что собиралась влепить ему пощечину, и что он сам был всего лишь студентиком…

Он же вспомнил место из «Семейной жизни женщины» – книги, написанной одним религиозным врачом. В ней говорилось следующее: «Супруги, обнимая друг друга, должны остерегаться сладострастного вожделения». Он подумал, что вряд ли это возможно, если всего один поцелуй имеет такую силу.

Взошла луна; они все сидели и целовались.
Она прошептала ему на ухо:
– Я полюбила тебя с первого взгляда.
И он ответил ей:
– Все это время я жил лишь для тебя одной.

Мария Потапова, СПбГУ,
кафедра скандинавской и нидерландской филологии, 4 курс

КАРТА

Геррит Крол

По воскресеньям витрины христианских магазинов были закрыты. На них висели специальные занавески, обычно из светло-коричневой бумаги, которые в воскресенье спасали человека от искушения купить что-нибудь в понедельник. Так, на углу улиц Брауверстраат и Эббингестраат стоял книжный магазин «Паалман». Размером он был с большую гостиную. Внутри стоял прилавок, за которым чета Паалман («он очень милый, но заправляет всем она») работала так, словно это был не книжный, а бакалея. Особенно много работы у них было прямо перед Синтерклаасом. Посетители ждали своей очереди и, когда она подходила, излагали свои пожелания, обычно в форме «легкий роман для девочки семнадцати лет» или «исторический роман, хорошо бы с иллюстрациями», после чего хозяева искали эту книгу на полках или в стопках на полу. Книгу находили, открывали на первой странице и показывали покупателю, который надевал очки, смотрел на название, имя автора, издательство, потом снимал очки и одобрительно кивал, как при выборе вина в ресторане.

Витрины этого книжного были закрыты по воскресеньям. Магазинчик был словно отрезан от всего мира. Но в одно из таких воскресений я шёл мимо книжного в Детскую церковь и вдруг увидел, что занавеска была опущена не до конца (снизу была небольшая щелочка, сантиметров пять). И в этих пяти запретных сантиметрах я увидел кусочек сложенной туристической или велосипедной карты, которая, должно быть, из-за воскресного солнца немного загнулась, и я, сидя на корточках, поражался тому, насколько детально она была прорисована. Особенно меня удивило одно название: Дорквэрд. Я прекрасно знал эту деревушку, но еще никогда не видел, чтобы она была на какой-нибудь карте. Дальше справа была северная часть города Гронинген, выделенная красным: район Хоохтэ, кусочек железной дороги, Новый канал и велосипедная дорожка рядом. Все четко, близко, все очень большое. Такой подробной карты я еще никогда не видел.

Днём в понедельник я зашел в книжный и показал на карту. Мне не хватало денег, поэтому пришлось ждать до субботы.

Та суббота… В полвторого я пришел домой с картой и развернул её на столе.

«Тут даже кирпичные заводы нарисованы!» – взволнованно воскликнул я.

Целый стол, полный чего-то нового. Днём, сидя на коленях перед камином, я разглядывал карту. Меня особенно волновал тот факт, что теперь появился смысл побывать везде. Перспектива оставить свой след в каждом уголке Земли. Побывать везде…

Это чувство не исчезло. Совсем наоборот. Я нарисовал контурную карту Нидерландов и отметил на ней дороги, по которым я уже катался, и дороги, на которых я еще не был. Я садился на велосипед и ездил по ним, обкатывал их, чтобы потом отметить на карте. По некоторым дорогам я ездил не один раз, а два или больше (число поездок только увеличивалось), но они уже не считались. Побывать там однажды – значит быть там всегда, и это было видно на моей карте.

Когда мне пришлось признать, что иногда я езжу куда-нибудь на поезде, то есть не своими силами, не чувствуя связи с дорогой, моя мечта начала тускнеть, потому что такие поездки я не засчитывал. Область вокруг моего города была целиком исследована, но поскольку я уже побывал на всех дорогах, мне ничего больше не оставалось, кроме как в один прекрасный день снять карту со стены. В ней больше не было смысла. Я не стал её хранить.

Таисия Чернякова, МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра германской и кельтской филологии, 4 курс

БУДНИЧНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Анна-Лунде Колстад

Вдалеке проезжает серая машина. Опускаю глаза на несколько секунд, а затем, подняв взгляд снова, вижу еще одну серую машину. Дорога, по которой трамвайные пути тянутся вниз к автовокзалу, похожа на серую в красную крапинку радугу. Не из-за погоды. Сегодня, как ни странно, солнечно, а на голубом небе только два облачка. Я делаю глоток всё еще горячего латте. М-м-м. Не понимаю, почему я раньше не любила кофе. Горечь крепкого черного я терпеть не могу. А вот мягкий вкус латте – как раз то, что мне нужно. Мокко сейчас чересчур сладкий. Улыбнувшись про себя, пробую овсянку. Позади меня кто-то делает заказ. Я представляю себе женщину с короткими каштановыми волосами. Скорее всего, кудрявую. В шарфе и черном пальто. Оборачиваюсь, а её уже нет. Есть другая, длинноволосая. Но пальто черное. Слышно, как она с кем-то болтает, пока парень-блондин за кассой варит кофе. Вот звук работающей кофемашины. А это писк электронных часов. Журчание воды.

Автобус номер 421 быстро проезжает мимо. Я не успела прочитать, куда. Видела только, что он светится, словно зеленый фонарик. Как сигнал светофора, что виден вдалеке. На мгновение передо мной остановился красный автобус номер 70, стоило мне подумать об этом, как он уже уехал по той серой радуге.

Звучит песня, которую я не узнаю. Да я и не хочу вслушиваться. Вместо этого разглядываю кофе. Светловолосый бариста нарисовал сердечко на молочной пене. В середине оно совсем светлое, но чем ближе линии к краю, тем они более коричневые. Я с восхищением рассматриваю рисунок. Не хочу испортить его, сделав еще глоток. Интересно, можно ли выучиться на художника по кофейной пене?

Входят еще люди. Боюсь, что занимаю слишком много места, но продолжаю сидеть и наблюдать. Слышно так много разных голосов, что и не разберешь, что они там говорят. Только гул. Сколько же людей проходит через обычную кофейню в течение дня? Порядочно, если вспомнить, как много пришло и ушло с тех пор, как я здесь.

С насмешливой улыбкой вглядываюсь в парня, идущего по улице, подозрительно похожего на моего очень хорошего друга. Я понимаю, что ошиблась, рассмотрев его поближе. Он промчался мимо моего окна, торопясь, наверное, на автобус или трамвай. Тут как раз рядом остановка.

Делаю глоток латте. Он уже немного остыл, но я продолжаю восхищаться тем, как сердечку в середине удалось остаться прежним, на том же самом месте. И кто-то же рисует эти сердечки на кофе. Меня всегда это потрясало.

Еще меня потрясает стремительное развитие нашего мира. Еще совсем недавно у всех были пузатые телевизоры. А сегодняшние дети знают только плоские экраны да проекторы. Вспоминая себя в детстве, они почему-то кажутся мне избалованными.

Мои мысли прерывает звук пришедшего кому-то сообщения. Звук «Нокиа». Ох, как я скучаю по тем временам, когда не было никаких смартфонов, айпадов. Мир тогда был таким простым. Зачем ему быть таким сложным сейчас? Таким мудреным с этими странными новыми штуками. Вздохнув, делаю еще глоток. Наверное, один из последних перед уходом. Заиграла новая песня. Вслушиваюсь.

Мария Ипатова, 3 курс, кафедра скандинавской и нидерландской филологии, СПбГУ

БАНКА МОРОШКИ

Антти Хюрю

Поехал один: из города на поезде и от станции на велосипеде. Я уже наловчился распознавать болота, заснеженные дороги и полевые тропки. Но два лета пролетели мимо, а я так и не встретил на своем пути ни единого кустика морошки. Много ездил на машинах и поездах, был окружен другими людьми. Раньше, бывало, бродишь и бродишь до изнеможения по родной стороне – нет ей края; теперь же приходится жить в местах, где земля как будто бы разрезана на кусочки ножом для хлеба и где за каждым поворотом, за каждым углом, кто-нибудь да есть. И дышится здесь тяжело, точно в переполненном автобусе, еще чуть-чуть – и тебя стошнит, и чувствуешь себя рыбешкой в ушате с водой.

Параллельно дороге высится темно-красный дом. На обочине – деревья с раскинувшимися по поверхности земли голыми корнями. От проезжей части постройку отделяют всего лишь три деревца. С другой стороны дома – березы, своими ветвями скрывающие сауну на краю ручья. Есть тут и хлев, и заброшенный коровник; перпендикулярно им стоят гараж и новый сарай – продолжение старого. Дальше – склад, а там, где он кончается, красной изгородью раскинулись кусты смородины. Выше и ниже дома, по краю шоссе, стоят бледные бетонные столбы, а над калиткой возвышаются нестриженые елки, своими верхушками образуя нить, как будто тянущуюся с неба.

За дорогой виден ручей, спускающийся по склону и бегущий по полю и мокрой траве к заводи. Я знаю это, хотя в здешних краях я – чужак. Я прибыл из ниоткуда, и голова моя пропахла запахом бензина. Не могу я присесть на пороге и быть таким же постоянным, как дверь, камни и земля. Чтобы стать своим, нужно долго жить здесь: поставить забор и посадить деревья, греть сауну и заготавливать на зиму сено – в общем, жить по-простому. Только тогда можно увидеть светлые, начисто скошенные поля и облака, плывущие над ними.

Пока косят последний луг, может начаться дождь, который намочит камни и кочки, листья кустарников и сено. Надо бы зайти внутрь и перекусить: выпить простокваши или сварить кофе. Беру упирающуюся в крышу длинную удочку и вращающуюся блесну медного цвета и иду вдоль берега к устью ручья. Далеко забрасываю снасть и ощущаю, как она, ударившись о водную гладь, опускается все глубже и глубже. Медленно вываживаю леску под раскинувшийся рядом с листьями кувшинки влажный ивовый куст. Вижу, как под самой поверхностью воды щука следует за «добычей», точно тень, и вдруг кончик удилища резко изгибается вниз. Пятясь назад, рывком вытаскиваю зубастого хищника и падаю в мокрую траву. Берега плавно переходят в речку, испещренную множеством изгибов, порогов и запруд. Здесь так много рыбы, что ловить ее уже нет никакого желания, особенно хариуса, который в изобилии плещется в гладкой каменистой заводи.

Пересек ручей в том месте, где стоит сарай, и отправился на поиски морошки: наискосок через поля, кратчайшей тропинкой в лес, пролез под забором из колючей проволоки, прошелся по мостику из полусгнивших деревянных ступенек. Вышел к месту, где земля покрыта мелкими камушками, и направился прямо к болоту. Размышлял о топкой трясине и лесе. На ногах – взятые взаймы резиновые сапоги, под ногами – следы от копыт.

Была осень. Пока шел, расставлял самодельные силки. Холодало, и под деревьями сгущался сумрак. В вершинах елей небо было яркое и широкое. Воткнул палку вертикально в землю, расправил петлю и присыпал ее хвойными иголками. Иногда срывал с края дороги ягоду брусники и клал в рот; когда касался пальцами тонкого, светлого песка, появлялось ощущение, будто бы я уже жил здесь. Домой пришлось идти в потемках, пробираясь через лес и блуждая по полям. Открыл дверь, и перед глазами разлился свет от коптилки. Уснул в сенях.

Интересно, что это за тропинка, что ведет в лес. Сухая и серая, она берет свое начало в сосновом бору. Рядом с ней, на толстых корнях деревьев, стоит муравейник, а прямо из него растет голая рябина. В самой чаще дорога становится шире, извивается между кочками, а вытянувшаяся рядом с ней канавка наполовину заполнена водой. На кочках – листья и ягоды морошки. Тропинка теряется в трясине, дальше нужно идти наугад.

На болоте, от края до края, виднеются лесные островки и елочки с кисточками вместо вершин. Где-то оно широкое, где-то в веренице кочек, а местами совсем ровное. Теплым днем небо изгибается бескрайним коромыслом, становится похоже на шар, разрезанный поверхностью воды надвое; и сам ты стоишь в центре этого шара, который двигается вместе с тобой, куда бы ты ни пошел. Болото же неподвижно, воздух прогревается и дрожит над землей, и пахнет там листьями морошки, травой, кустами, мхом и водой.

Из болота тянется тонкий стебель, на его вершине – большая ягода, как будто бы пробравшаяся наверх из самой топи. Стебельки растут бок о бок, и их так много, что невозможно сосчитать. Найти подобное можно, только если знаешь места. Я все еще собирал ягоды, хотя солнечный день уже закончился, наступил вечер, и комаров и мошек была тьма: они залетали и в рот, и в глаза, и в уши. Выпил кофе, когда ведро было уже наполовину наполнено морошкой.

Я забрел в сухое местечко на окраине леса, где росли неизвестные мне деревья. Солнце находилось на севере, над самым краем болота, и мошки затихли в траве. Позади яркого диска белой прозрачной и ровной крышей висело небо, как будто приспустившееся вниз, и бесконечная звездная даль виднелась повсюду. Было полное ощущение солнечного теплого дня; и я стоял там, посреди всего этого, на краю болота.

Снова закружила мошкара, а вместе с ней пришло и утро нового дня. Подул ветер и прогнал надоедливых насекомых. Я пересек болото и вышел к тропинке и сосновому бору, когда в деревне, возле реки и дороги, еще не закончилась белая ночь, и было светло. Добрался до того места, где земля была усыпана гравием и где начинались деревянные ступеньки, а после, друг за другом, появились поля, деревня, дорога, машины и поезда.

Уже в городе, когда пришла зима, я насыпал себе из стеклянной банки чашку, полную морошки – чистой, без стебельков и листьев. Среди золотистых ягод я увидел сухого лесного жука, зеленоватого, с круглой головкой, плоским тельцем и коротенькими лапками. Он спокойно лежал там, в чашке, в свете электрической лампы. Я не съел его, хотя прекрасно знал, каков он на вкус: ведь точно такого же жучка я съел вместе с морошкой, когда был там, на болоте.

Арина Прудникова, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ),
кафедра теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук, 3 курс